

Лидия Чарская

Семья Лоранских.

Не в деньгах счастье.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ч-22

Чарская Л.
Ч-22 **Семья Лоранских.: Не в деньгах счастье.** / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 72 с.

ISBN 978-5-4241-2972-8

Причудливые, полные интриг приключения героев повестей Чарской переплетаются с их высокими, благородными чувствами и поступками. Эта повесть увлекательно рассказывает о смелом походе казаков в XVI веке на Сибирь. Покорение этого края горстью удальцов, воодушевленных идеей завоевать для русского народа огромный, богатый край и тем оставить по себе добрую память на века, - это настоящий подвиг, в духе древних русских богатырей.

ISBN 978-5-4241-2972-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская.

Семья Лоранских
(Не в деньгах счастье)

I

— Адмиралтейская площадь! — громко выкрикнул голос кондуктора, и конка остановилась.

Молоденькая девушка, сидевшая у самой двери вагона с неуклюжим узлом на коленях, проворно вскочила со своего места и, обеими руками придерживая ношу, вышла из конки.

Промозглый серый октябрь стоял над Петербургом. Дождь неприятно моросил в лица прохожих. На тротуарах было мокро и скользко.

Но молодая девушка, казалось, и не замечала неприглядной картины осеннего петербургского дня. Заботливо прижав к своей груди узел, с раскрытым зонтиком над головой, она торопливо шагала по Невскому.

Девушка была премиленькая. Из-под дешевенького фетра выбивались непокорные завитки огненно-рыжих кудрей, обстриженных в кружок, как у мальчика. На снежно-белом личике, слегка усеянном мелким бисером веснушек, ласково и ярко сияли большие добрые глазки, синие, как васильки... Тонкие брови девушки, слегка рыжеватые, придавали что-то оригинальное и милое всему свежему личику с вздернутым носиком и пухлыми губами. Тоненькая, стройная, она имела вид скорее подростка, нежели взрослой барышни. И походка у нее была торопливая и стремительная, точь-в-точь, как у школьников, которые бегут по утрам в школу, боясь опоздать к урокам.

Поравнявшись с Казанским собором, девушка высвободила правую руку и набожно перекрестилась.

— Дай Бог удачи! — прошептали ее пухлые губки и она еще быстрее и решительнее зашагала по тротуару и вскоре скрылась в подъезде, над которым синяя вывеска гласила: "С.-Петербургский городской ломбард".

Поднявшись по широкой лестнице во второй этаж, она вошла в отделение приема залогов.

Рыженькая девушка быстро развязала узел и положила на прилавок скромный летний жакет песочного цвета, такую же юбку и поношенную драповую кофточку с бархатными отворотами.

Оценщик долго разглядывал и отряхивал вещи, как бы желая проникнуть в самую глубь стареньких тканей. Наконец, покачав головою не то с сожалением, не то с легкой иронией, он произнес, глядя на девушку поверх очков:

— Четыре рубля, барышня.

Свежее личико молоденькой клиентки вспыхнуло до корней рыжеватых завитков, до белой тоненькой шейки, выходившей из-под отложного мерлушкового воротничка жакетки.

— Ах, пожалуйста, — произнесла она смущенно, — накиньте... в прошлый раз мне у вас же пять за нее давали... и вдруг... Пожалуйста, прибавьте.

Оценщик еще раз встряхнул вещи и, снова сокрушенно помотав головой, крикнул кому-то в пространство:

— Пять рублей. Драповый жакет и летний костюм оба держанные, пять рублей, — и дал рыженькой девушке бланк с четко написанным на нем номером и цифрой залога.

Девушка приняла бумажку из рук оценщика и отошла к кассе, за проволочной решеткой которой сидела полная дама в пенсне. Ждать пришлось каких-нибудь три минуты, не дольше. Дама выкрикнула номер бланка и рыженькая девушка получила квитанцию, на которой красиво выделялся новенький золотой пятирублевик. Она поспешно спрятала и то и другое в маленькое потертое портмоне и вышла из ломбарда с легким сознанием душевной удовлетворенности.

А на улице по-прежнему моросил нудный осенний дождик, по-прежнему бежали под открытыми зонтиками редкие пешеходы и плелись сонные "ваньки" с поднятыми верхами.

Рыженькая девушка подобрала платье и отважно зашагала по мокрому тротуару. На душе у нее было хорошо и весело, несмотря на ненастье. Все складывалось так славно сегодня! И оценщик не заметил большого пятна на подкладке жакета и дал ей именно столько, сколько ей было нужно, и народа не было в ломбарде, так что она успеет к обеду домой; вдобавок она еще принесет экономию, оставшуюся от двух конок, потому что, несмотря на просьбы матери ехать на конке от Адмиралтейства до ломбарда, она прошла туда пешком.

"Не купить ли к чаю сушек у Андреева? — подумала девушка, проходя мимо большой булочной, приятно пахнувшей на нее запахом свежих булок сквозь открытую дверь, — мама так любит сушки!" — добавила она мысленно и уже готовилась войти в булочную, как вдруг услышала позади себя знакомый голос:

— Ну, и бежишь же ты, Лелечка! Едва догнал!..

Рыженькая девушка, которую звали Лелечкой, обернулась. Перед ней, под зонтиком, стоял молодой человек с портфелем подмышкой и в форменной чиновничьей фуражке. Его добрые близорукие глаза шурились и улыбались. Полные губы улыбались также, сверкая крупными зубами, белыми, как сахар. Русая вьющаяся борода красиво удлиняла его несколько круглое лицо, с здоровым румянцем во всю щеку.

И это улыбающееся лицо, и эта веселая улыбка так мало подходили к скучному дождливому петербургскому дню и сердитым лицам прохожих!

— Володя! — весело выкрикнула Лелечка, — вот не ожидала... Разве ты уже со службы?

— Да, разумеется, — с тою же веселою улыбкою произнес тот, — не в моих правилах уходить со службы до ее окончания, Елена Денисовна!

— А ты почему так давно у нас не был? — недовольно протянула девушка и косо посмотрела на своего спутника своими синими, ясными глазками, которые, казалось, располагали, каждого в пользу их владелицы.

— Не сердись, Лелечка, уж так вышло! — виновато произнес Владимир Владимирович Кодынец (так звали молодого чиновника) и вдруг, взглянув на ноги своей молоденькой спутницы, он воскликнул с неподдельным ужасом: — Батюшки, да ты в туфлях! Ведь это безумие, Лелечка! Долго ли простудиться и схватить кашель, бронхит, воспаление легких...

— Гнилую жабу... дифтерит... бугорчатку, — dokonчила его спутница и расхохоталась.

Но Владимир Владимирович не разделял, казалось, веселья Лелечки. Он чуть

ли не с отчаянием продолжал смотреть на ее маленькие ножки, одетые в прюнелевые туфельки и мелкие галоши, щедро смоченные дождем.

— Разве можно так, — говорил он сокрушенно. — Ай, ай! ай! И что это мамаша смотрела? Как решилась она отпустить тебя так? И почему ты высоких сапог не надела, Лелечка? — негодовал он, глядя с укором в ее синие смеющиеся глазки, своими добрыми серыми близорукими глазами.

— Фу, какой ты сегодня скучный, Володя, — полушутливо, полунедовольно произнесла Лелечка, — и все-то тебе знать надо... Пожалуйста, мамаше не вздумай только насплетничать, что я ноги промочила. Мои сапоги надел Граня... У нас одна нога... Надел в гимназию... у его сапог подошвы отлетели... Нельзя же так. Ну, вот и пришлось мне надеть туфли. Ты молчи только, а то Гране попадет еще! Недавно, ведь, ему подошвы новые ставили, а он опять...

— Да ты хотя бы дома сидела! — окончательно вознегодовал Кодынцев, — если уж сапоги брату отдала. А то в эдакую непогоду чуть ли не в ночных туфлях... Бога ты не боишься!

— Как раз! Вот-вот только и сидеть дома! А кто в ломбард поедет? — задорно тряхнув своими рыжими кудрями, произнесла Лелечка.

— Опять у вас значит безденежье, Леля? — совершенно другим, новым голосом произнес Владимир Владимирович, — и как тебе не грех по ломбардам ходить? Спросила бы у меня! — произнес он с нежным укором.

— Ай, что ты? что ты, Володя?! Мы и так тебе Бог знает сколько должны... — залепетала Лелечка. — Нет, нет, ни за что больше нельзя у тебя брать. И потом деньги у мамы есть... на хозяйство есть... А это для нас... т. е., для Валентины. Видишь ли, Валентине окончательно дебют дают. Сегодня бумагу из театра прислали, — понизила она почему-то голос до шепота, — в настоящий театр, понимаешь, и с настоящими актерами!.. Ну, и костюм у нее есть... юбка, то есть, а кофточку сшить надо... красную шелковую кофточку... Это я говорю... А Валентина говорит — желтую... Как ты думаешь — какую?

Но Кодынцев не слышал вопроса Лели. Он ласково и нежно смотрел на нее и думал:

"Милая, милая девочка! И всегда-то ты была, и останешься такой милой и славной! Будешь бегать в дождь и слякоть по ломбардам закладывая свое последнее убогое платьишко, чтобы доставить удовольствие другим. И никто не оценит тебя по заслугам, как бы следовало. Каждый будет требовать от тебя выгоды и пользы и вряд ли сумеет поблагодарить твое чуткое, доброе сердечко, бьющееся любовью и заботой к другим".

И он смотрел с ласковым участием на ее тоненькую, тшедушную фигурку, отважно шагавшую о бок с ним по мокрым плитам Невского проспекта, и думал, что вот эта чудная, добрая Лелечка дорога и мила ему, как родная сестра. А они даже и не родственники с нею, просто детьми росли вместе и играли в былое беспечное время.

Звонкий смех Лелечки разбудил Кодынцева от его задумчивости.

— Какой ты смешной, Володя! — хохотала девушка, — ты сейчас зонтиком чуть цилиндр с того господина не сбил! Он бранится, а ты самым серьезным тоном говоришь себе под нос: "Очень вам благодарен..." Ха-ха-ха!

Но вдруг смех ее разом прервался. Страшный ливень хлынул внезапно и мигом наводнил и тротуары и улицу...

— Извозчик! — закричал Кодынцев не своим голосом, — в Галерную гавань! Живо!

Что ты, Володя! Ведь, мы на конке можем! — запротестовала Леля, — отлично на конке бы...

Но было уже поздно. Не торгуясь с хитроватым на вид "ванькой", заломившим, глядя на ненастье, чудовищную цену. Кодынцев отстегнул фартук и, энергично взяв Лелю за руку, посадил ее под закрытый верх в пролетку.

— Так будет верней, — произнес он весело, сам усаживаясь подле девушки.

— Ну, а про кофточку ты мне все-таки ничего не сказал, Володя! — снова заговорила Лелечка, когда их пролетка миновала стоявшие у Александровского сквера конки и легко покатила по торцовой мостовой по направлению к Дворцовому мосту.

— Какую кофточку? — недоумевающе переспросил Кодынцев.

— Ах, какой ты рассеянный, Володя! — заволновалась она. — Я тебя про Валентинину кофточку спрашиваю. Какого цвета ей шелка купить: красного или желтого? По-моему — красного, потому что Валентина бледна немного, а в красной кофточке она будет чудо какая хорошенькая! Желтая к ее цвету лица не пойдет. Правда?

— Правда, Лелечка, — весело согласился Кодынцев.

— Ну, и отлично, — обрадовалась она. — Я тогда ей выберу красную. Скажу — Володя посоветовал. Хорошо?

И Лелечка с лукавой улыбкой заглянула в его глаза, сиявшие ей с братской лаской из-под козырька чиновничьей фуражки.

— Лелечка! — неожиданно произнес Кодынцев. — Смотрю я на тебя и думаю: всегда-то ты всем довольная, радостная, хлопотливая, как воробушек. И, глядя на тебя, самому весело на сердце станет... Все-то у тебя так гладко и хорошо выходит. Счастлива ты, Лелечка?

Лелечка только звонко расхохоталась в ответ своим детским серебристым смехом.

— Станный ты сегодня, Володя! — произнесла она сквозь смех, — то цилиндры с прохожих зонтиком сбиваешь, а то философствовать начал... Ха, ха, ха!

— Какая ты милая, Лелечка! Как ты всегда развеселить умеешь. Ведь, для нас всех как солнышко для мира, нужна. Дай тебе Бог подольше таким дитятком оставаться! Ни задумываться, ни печалиться не пристало твоей головке, детка...

— Потому что она рыжая, — с комической серьезностью заключила та, — а все рыжие ужасно веселые и ужасно глупые! Мне и печалиться-то некогда, Володя! Сам знаешь небось. Утром надо Граню чаем поить, в лавку сбегать — Фекла мяса порядочного выбрать не умеет, Павлука в академию отправить... А там, смотришь, завтрак. Пошить что-нибудь надо... А потом Граня возвращается. С ним потолкуешь. Глядишь, и Павлук является. Опять обед. А тут и друзья наши тут как тут. Самовар, закуска... Валентина от своего хозяина вернется... К одиннадцати часам так устанешь, что только-только до постели дотянешься. Какая уж тут задумчивость! Нет, мне всегда работать весело. Ведь не Валентине же хлопотать по дому. Валентина — красавица. Ей и работать-то грешно. У нее, взгляни, ручки — точно у принцессы крови. А мои — гляди!

И она протянула к самому лицу Владимира Владимировича крошечные ручонки в стареньких перчатках, сквозь прорванные пальцы которых выглядывали

ее розовые коротко остриженные ноготки.

— Славная ты! — произнес Кодынцев и поцеловал старенькие перчатки в том самом месте, откуда выглядывали розовые пальчики. — Славная ты, родная моя сестренка!

Он хотел добавить еще что-то, но в ту же минуту пролетка остановилась у небольшого серого домика-особняка в одной из маленьких улиц Галерной гавани.

— Вот и приехали! — радостно произнесла Лелечка, слезая. — Вы к нам, или домой пойдете, господин государственный чиновник?

— Если позволите, к вам, госпожа беззадумчивая барышня.

— "Если позволите!" — передразнила его Лелечка с усмешкой. — Вот еще как разговаривать выучился. Нечего важничать! Ну, руки по швам и марш за мною. Живо!

Кодынцев с улыбкой последовал за нею.

II

Семья Лоранских жила в собственном сером домике "у самого синего моря", как говорил старший из детей, Павел Денисович или Павлук, по семейному прозвищу, студент медицинской академии. Марья Дмитриевна Лоранская овдовела как раз перед рождением своего последнего сына, Грани, и теперь жила на крошечную пенсию, оставленную ей мужем-чиновником, да приработком старших детей, Валентины и Павла, из которых первая, в качестве чтицы, занималась у одного старика, другой давал уроки. Кроме того, верх домика отдавался внаймы.

Серый домик был дан в приданое за Марьей Дмитриевной и все ее дети родились и выросли в нем. Это был совсем особенный домик. С утра до ночи там кипела жизнь, звучали молодые, свежие голоса, мелькали юные здоровые лица. Утром все расходились, чтобы сойтись снова к обеду, а вечером, после чая, в сером домике поднимался дым коромыслом: молодежь пела, играла, хохотала... Товарищи Павла по Академии приходили сюда запросто, в рубашках-косоворотках или в стареньких заплатах тужурках, пили чай с булками или с простым ситным, ели грошовую колбасу и веселились так, как, наверно, уже не умеют веселиться в княжеских палатах.

И не бледная спокойная красавица Валентина, не рыженькая хлопотливая Лелечка, ни Павлук, ни Граня, притягивали к себе молодежь, — просто в сером домике все располагало к веселью, смеху, дружеским спорам и милым беседам. На глазах этой молодой толпы поднялась и расцвела Валентина, выросла Лелечка, и никому в голову не приходило ту или другую принять за взрослую барышню и, когда в один прекрасный день сияющая Марья Дмитриевна объявила за чаем, что "Валечка просватана", все как будто тут только заметили и то, что Валентина — девушка-невеста, и то, что она — взрослая красавица. И вдруг всей этой шумно веселившейся молодежи стало обидно, что один из членов ее как бы отпадает от них, став на положение барышни-невесты. Когда же узнали, что жених Валентины, Владимир Владимирович Кодынцев, друг детства юного поколения Лоранских и их ближайший сосед, все восторженно и даже обрадовались предстоящей свадьбе. Кодынцев был славный, хороший человек, а Валентина — совершенно исключительная барышня-невеста: она не уединялась от других со своим женихом, как это обыкновенно происходит у помолвленных, а

просто и мило держала себя с ним в обществе товарищей брата, по-прежнему бегала с ними на "верхи" в Александринку и отбивала себе мозоли, хлопая любимцам актерам. И снова в сером домике поднимался дым коромыслом и молодежь бежала сюда отдыхать от лекций, а иной раз поверять свои невзгоды доброй, чуткой, по матерински отзывчивой ко всем им Марье Дмитриевне, или незамемному другу-советнику во всех житейских делах, Лелечке, и, наконец, к Павлуку, готовому содрать с себя последнюю рубашку и дружно поделиться ею с неимущим.

С Валентиной и Граней откровенничали меньше: с первой — вследствие ее внешней холодности и исключительного положения невесты, с которым, как никак, а приходилось все-таки считаться, со вторым — в виду его крайней молодости.

Но больше всех в смысле дружеских откровенностей и всяких душевных излияний перепадало Лелечке. С нею обращались запанибрата, по-товарищески; ей рассказывали с особенной охотой про маленькие и большие невзгоды и радости... Лелечка имела драгоценную способность помочь, утешить, посоветовать, выпутать из беды.

— Мирская печальница! — любовно приглаживая ее рыжие кудри, говорила Марья Дмитриевна, гордясь своей дочуркой.

Впрочем, изо всех своих четверых детей Лоранская особенно любила своего последнего младшего сына, Граню, родившегося двумя месяцами позднее смерти отца. Граня был общим кумиром. Он жил точно юный принц среди своих подданных. Каждый из членов маленькой семьи считал своей обязанностью баловать Граню. Происходило ли это вследствие того, что ребенок, не видевший отцовской ласки, возбуждал нежное сочувствие близких, или сам по себе Граня, красавчик собой, нежный, как девушка, располагал к себе своими внешними достоинствами.

Даже Валентина, не любившая проявлять особенную нежность, и та, нет-нет, да и выражала ее по отношению к младшему брату. А о Лелечке и Павлуке и говорить нечего — те просто таки боготворили Граню.

Вообще, семья Лоранских шуточно разделялась их ближайшими друзьями и знакомыми на две половины: аристократическую, состоящую из Валентины и Грани, и демократическую, в состав которой входили сама Лоранская, Павлук, Лея и краснощекая глуповатая, но честнейшей души девушка Феклуша, жившая уже десятый год в сером домике.

Когда Лелечка с Кодынцевым вошли через крошечную прихожую в столовую, вся семья была в сборе, готовясь приступить к обеду. Из открытой в прихожую двери кухни шел очень вкусно пахнувший пар и наводнял собою столовую, так что сидевшие там за столом четыре фигуры казались плавающими в облаках.

— Наконец-то! Где тебя носило? — весело крикнул по адресу вошедшей Лели молодой некрасивый медик с веснушчатым лицом и мясистым носом, но с большими умными карими глазами, смотревшими бойко, весело и добродушно.

Забавный хохолок белокурых волос, торчавший над его умным высоким лбом, придавал всему лицу молодого человека не то задорный, не то бесшабашный вид. Плотный, широкоплечий, в расстегнутой тужурке, из под которой алела кумачовая красная косоворотка, с этим бойким, задорным, улыбающимся лицом, Павел Лоранский казался именно тем "рубахой-парнем", каким его справедливо счита-

ли окружающие. Совсем противоположным ему был младший брат Граня, сидевший подле матери, полной маленькой добродушной женщины с чудом сохранившимися черными, как смоль, волосами, несмотря на ее преклонные пятьдесят шесть лет. Граня был миниатюрен и строен, как девушка: те же огненно-рыжие волосы, как у сестры Лели, только с более крупными кудрями, обрамляли нежный белый лоб юноши; большие синие глаза, немного вызывающие и гордые, настоящие глаза общего баловня, зорко и насмешливо поглядывали из-под тонких темных бровей. Эти брови при рыжевато-красной шапке волос да тонкий породистый, точеный носик на нежно-розовом почти девичьем лице и составляли главную прелесть красоты Грани.

Валентина, высокая, стройная брюнетка, на первый взгляд, не поражала красотой. Но достаточно было взглянуть в ее матово-бледное, как будто всегда немного усталое лицо, заглянуть в глубь ее загадочно странных зеленоватых глаз под темными ресницами, на ее гордый рот, редко дарящий улыбкой, и невольная мысль прокрадывалась в голову при виде молодой девушки:

"Да, это — какая-то странная, не заурядная внешность, какая-то исключительная красота, богатая не обилием красок, а тайным смыслом, проглядывающим из-под каждой черточки этого бледного спокойного лица".

При виде Кодынцева глаза Валентины, опущенные до того на тарелку, чуть сощурились. Легкая краска оживила лицо. Она точно похорошела и как бы просветлела сразу.

— Володя! — прозвучал ее грудной нежный голос. — Вот приятный сюрприз!

— Не хотел идти! Я притащила силком! — весело крикнула Лелечка и быстро наклонившись к уху сестры, зашептала с деловым видом: — Пять рублей дали! Понимаешь? Торговалась я... как извозчик!

— Милая ты! — произнесла Валентина, улыбнувшись одними своими зелеными глазами, и подвинула свой стул, чтобы дать около себя место Кодынцеву.

— Не взыщи, брат, что в паровую ванну попал, — со смехом произнес Павел Денисович, дружески хлопнув по плечу Кодынцева. — Это, брат, у нас случается.

— Мама, а все-таки не мешает дверь прикрывать, — вмешался Граня с легкой гримаской, — а то весь кухней пропахнешь... Даже и в гимназии заметили. Василий Никандрович за уроком и то сказал: "Кто это у вас, братцы, луком душился?" Срам. И все на меня посмотрели... как по команде. Чуть не сгорел, ей-Богу!

— Так уж вот сразу и на тебя, — недовольно заметила Лоранская. — Воображение это одно!

— Пойдите, мама, — примиряюще заметила Валентина, — правда, неловко, если кухней пахнет... Слушай, Граня, ты у меня духов возьми завтра, как пойдешь. Знаешь, Володины духи, которые он мне на рождение подарил... Только не все, слышишь... А то ты весь обольешься. Знаю я тебя, пусти козла в огород! — и она улыбнулась, показав частые крупные зубы, сверкающие белизной.

После обеда Валентина отказалась от обычного чая и, сказав всем одно общее "до свиданья", вышла из дома.

III

Валентина шла не торопясь, точно на прогулке, по левой стороне Большого проспекта. Ей не к чему было спешить. Старик Вакулин, у которого она состоя-

ла в качестве лектрисы, ждал ее ежедневно к шести часам, а теперь было только половина шестого. Жил Вакулин недалеко, в семнадцатой линии, и Валентина успевала в каких-нибудь двадцать минут попасть к нему из своей Гавани.

Ровно без десяти шесть девушка звонила у большого одноэтажного дома-особняка, окрашенного в мрачную коричневую краску. Тщедушный пожилой лакей с серыми бакенами открыл ей дверь. Валентина поднялась по широкой лестнице, устланной ковром, на круглую площадку, с правой и левой стороны которой было по двери; одна вела в приемную старика, другая в его кабинет, столовую и прочие комнаты. Валентина вошла в приемную — большое мрачное помещение с круглым столом посредине и венскими стульями у стен. Оно напоминало собою приемную врача. Как и в гостиной врача, здесь были разбросаны на столе журналы, небольшие альбомы с видами Швейцарии и стояла массивная лампа в виде рыцаря-воина.

Но Валентина знала, что не стоит пробегать журналы и газеты, потому что ровно через десять минут раздастся звук колокольчика и тщедушный Франц пригласит ее к барину.

Так было всегда, и она успела уже привыкнуть к порядкам старика Вакулина. В первое время своих занятий молодая девушка приходила за полчаса раньше, мечтая также пораньше освободиться, но это не привело к желанному результату: ее впускали только ровно в шесть часов в кабинет хозяина. Вначале эта педантичность раздражала Валентину, потом она к ней привыкла, как привыкла и к самой личности старика Вакулина.

А привыкнуть было к чему. В первый же день их знакомства, когда смущенная новизной положение Лоранская пришла по публикации предлагать свои услуги и в качестве лектрисы, она увидела худого длинного субъекта в бархатном халате. У старика было суровое, недовольное лицо и брезгливо оттопыренные губы. Глаза его под дымчатыми стеклами было трудно разобрать.

— Вы — лектриса? — отрывисто обратился он к девушке и, пронизав ее с ног до головы тяжелым испытующим взглядом, сказал, как отрезал: — Не годитесь.

— Но почему? — вырвалось у Валентины, помимо ее воли с несвойственной ей горячностью.

— Молоды вы... красивы... ветер в голове бродит. О выездах и нарядах, небось, мечтаете. Ну, не годитесь, да и все тут. Были уж у меня такие.

Валентина вспыхнула. Вся ее природная гордость поднялась и запротестовала в ней.

— Да как вы можете оскорблять меня не зная, какова я на самом деле! — произнесла она строго. — Надо раньше испытать меня, а потом уже изрекать приговор.

Старик опешил. Никто еще не смел разговаривать с ним таким образом. Смелость девушки решительно понравилась ему.

— Ну, ладно, испытаем! — буркнул он себе под нос и сунул в руки Валентине газету.

Валентина читала отлично. Ее грудной звучный голос, так и вкрадывался в душу. Ясная дикция не заставляла желать лучшего. Старик несколько раз одобрительно покачивал головой во время ее чтения и, когда она кончила статью, произнес:

— Спорить не стану, читаете хорошо. Только надо вам сказать, что и те,

другие, хорошо читали, а прока из этого вышло не много. Торопится, скачет через строки, лишь бы окончить скорее и убежать. А вы так не будете?

— Не буду! — улынулась Валентина.

— Ну, вот и хорошо! — неожиданно обрадовался чудак. — А то, что за чтица уж — если как козел скачет. Вас я, пожалуй, возьму, но поставлю вам некоторые условия. Согласны?

— Это зависит от ваших условий — соглашусь я или нет, — отвечала спокойно девушка.

— Ну-с, так слушайте. Во-первых, сидеть спиной к зеркалу, дабы не поглядывать в него каждую минуту, как ваши предшественницы; во вторых, чтобы аккуратно приходиться вовремя, терпеть не могу ждать и время терять даром. Поняли?

— Разумеется! — пожала плечами Валентина. Оригинал теперь больше тешил, нежели раздражал ее.

— Ну, а теперь возьмите "Историю цивилизации" Бокля и читайте мне. Только не громко. Я, слава тебе Господи, еще не глухой.

Этот разговор происходил год тому назад в кабинете Вакулина и теперь почему-то пришел в голову Валентине,

Около года уже она ежедневно посещала Вакулина, не глядя на праздники, еще менее их на ненастные погоды, и вполне привыкла к чудачествам старика. Тем более, что занятия эти увеличивали скромный доход семьи Лоранских.

Резкий звонок напомнил Валентине об ее обязанности. И снова тщедушный Франц с серыми бакенами появился на площадке, как бы вынырнув из противоположной двери и бесстрастно произнес:

— Пожалуйте, барин дожидается.

Валентина сбросила на ходу осеннюю пелерину на руки лакея и, миновав гостиную с тяжелой допотопной мебелью, вошла в кабинет.

Старик Вакулин не поднялся даже ей навстречу. Он удовольствовался одним коротким кивком головы, Так они здоровались ежедневно.

— Сегодня будем читать Спенснера! — произнес отрывисто Вакулин, когда она села у стола. — Вы, надеюсь, ничего не имеете против Спенснера, сударыня?

Валентина поспешила ответить, что она ничего не имеет против Спенснера, и, поправив зеленый абажур на лампе, принялась за чтение.

Но едва только она успела прочесть две страницы, как старик забрюзжал:

— Что это вы сегодня охрипли, что ли? Без голоса? По секрету читаете-с. Себе под нос.

— Хорошо я буду громче, — спокойно произнесла Валентина. И тут же повысила свой голос, и без того красивый и звучный.

— Ай-ай-ай! — неожиданно вскричал Вакулин. — Да что вы это, точно с цепи сорвались! Глухой я, что ли? Не кричите-с. Народ соберется, подумают пожар!

— Нет, при таких условиях я не могу читать! — вышла из себя Валентина. — Послушайте, и вам не стыдно так издеваться надо мною? Ведь я должна поневоле сносить ваши капризы, потому что бедная девушка, потому что моя семья нуждается в этом заработке, а вы точно нарочно, смеетесь надо мной. Больше у меня нет сил, кажется, выносить этого! Вот, выйду замуж и избавлю вас от своего неприятного чтения, — с грустью проговорила она.